ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 02.06.2020 | Дмитрий Тренин

Новое измерение

Что означает выход США из Договора по открытому небу

Дональда Трампа часто обвиняют в непредсказуемости, но в некоторых вопросах он действует очень последовательно. Например, в сфере контроля над вооружениями.

В 2017 году он выполнил свое обещание вывести США из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе. В 2019 году денонсировал Договор о ракетах средней и меньшей дальности. Сейчас его решение выйти из Договора по открытому небу от 1992 года, позволяющего проводить разведывательные полеты над территорией 35 государств Европы и Северной Америки, продолжает курс на устранение американских обязательств в области международной безопасности. Вероятно, скоро придет черед и Договора о стратегических наступательных вооружениях (СНВ-3), который, к радости администрации Трампа, истекает в феврале следующего года.

На долгое время глобальный стратегический режим станет, по сути, нерегулируемым. Ядерное сдерживание отныне будет не просто одной из главных, а единственной составляющей глобальной стратегической стабильности.

США обвиняют Россию (или Иран) в том, что они нарушают эти соглашения, но это скорее удобный предлог для того, чтобы избавиться от существующих ограничений. Разговоры о том, что Трамп и его помощники намерены разработать новые, более выгодные для США соглашения, вряд ли можно воспринимать всерьез. Нынешняя администрация в Вашингтоне явно не заинтересована в том, чтобы сохранять контроль над вооружениями. Она предпочитает действовать с позиции превосходящей силы – с точки зрения Трампа, единственно приемлемой для США в сегодняшнем высококонкурентном мире. Снятие ограничений в военной сфере значительно увеличит возможности США – по крайней мере, Трамп на это надеется.

Другие страны, в том числе и Россия, могут сделать из решения США несколько выводов. Первый заключается в том, что режим контроля над вооружениями, который просуществовал 50 лет и не дал холодной войне стать горячей, ремонту не подлежит и быстро становится достоянием истории. Попытки вернуть его к жизни, сколь бы благородны они ни были, обречены на неудачу. Даже если произойдет чудо и срок действия СНВ-3 будет продлен, то это будет последний договор США и России, регулирующий их самое мощное оружие. Это означает, что на долгое время глобальный стратегический режим станет, по сути, нерегулируемым – можно сказать, ультралиберальным. Ядерное сдерживание, в основе которого – гарантия взаимного уничтожения, отныне будет не просто одной из главных, а единственной составляющей глобальной стратегической стабильности.

Улаживать инциденты можно будет с помощью постоянных контактов между военными ведомствами и службами безопасности крупнейших держав и горячих линий между их лидерами. Координация действий России и США в Сирии показала, что такие контакты могут быть весьма эффективными. Но не стоит забывать, что все это будет происходить в условиях глубокого недоверия между политическим и военным руководством великих держав. Чем меньше у сторон будет каналов для получения информации друг о друге, – а Договор по открытому небу, как и режим инспекций, предусмотренный истекающим СНВ-3, были именно такими каналами, – тем больше вероятность того, что наихудшие из возможных сценариев станут базовыми. В таких обстоятельствах ключевым будет умение сохранять спокойствие.

Из-за пандемии США и Китай, похоже, прошли точку невозврата на пути от соперничества к конфронтации, и теперь американо-китайский конфликт, выросший из экономических и технологических проблем, начнет приобретать и военное измерение

Решение США также показывает, что из других стран для Трампа по-настоящему важен только Китай. Из-за пандемии США и Китай, похоже, прошли точку невозврата на пути от соперничества к конфронтации, и теперь американо-китайский конфликт, выросший из экономических и технологических проблем, начнет приобретать и военное измерение. Когда-нибудь Вашингтон и Пекин осознают, насколько опасным может быть их прямое военное столкновение, что заставит их разработать какие-то механизмы контроля и сдерживания. Но скорее всего, это произойдет только после серьезного обострения, как это было в отношениях

между Москвой и Вашингтоном после Карибского кризиса 1962 года. Конечно, при условии, что это обострение не перерастет в реальный вооруженный конфликт, так что есть смысл внимательнее следить за ситуацией в Восточной Азии.

Третий вывод заключается в том, что контроль над вооружениями теперь включает в себя гораздо больше, чем просто ядерное оружие, как это было раньше. Туда добавились передовые неядерные системы вроде гиперзвуковых ракет, кибероружия, технологий искусственного интеллекта. Вот-вот произойдет выход в космос, где могут быть размещены новые виды вооружений. Количественные показатели уже не так важны, на первый план выходят возможности держав, которые куда труднее контролировать. Настало время задуматься над тем, как включить все эти факторы в стратегическое мышление новой эры.

Наконец, те, кто продолжает рассматривать глобальную стабильность и безопасность в уже забытом многими военном ключе, должны начать обсуждать новый глобальный режим контроля над вооружениями. Он должен быть всеобъемлющим, то есть охватывать все ключевые военные державы и все значимые технологии. Его основой по-прежнему должно быть ядерное сдерживание, гарантировать которое будет система коммуникации между державами и механизмы обеспечения прозрачности. Наконец, этому режиму должна быть присуща стратегическая культура сдержанности – ради безопасности самих участников. Всего этого будет очень трудно добиться, но неудача может привести к чудовищным последствиям.

Впрочем, Договор по открытому небу не будет полностью отменен. О готовности продолжить свое участие в нем заявляют более 30 стран, в том числе Россия, союзники США по НАТО, страны Восточной Европы. В отличие от ДРСМД или СНВ-3, Договор по открытому небу никогда не был ключевым элементом контроля над вооружениями, но он обеспечивал прозрачность и предсказуемость в регионе, где ситуация снова стала весьма напряженной. Сохранить открытое небо в Европе полезно, но главная задача теперь состоит в том, чтобы подготовиться к новой стратегической реальности.

Материал подготовлен Carnegie.RU в рамках проекта «Россия – ЕС: развивая диалог», реализуемого при поддержке Представительства ЕС в России.

Дмитрий Тренин
Москва

Дмитрий Тренин – директор Московского Центра Карнеги и один из ведущих российских экспертов по вопросам внешней политики.